

Московские пробки давно стали притчей во языцех и наводят ужас на всю Россию, которая в лице её наиболее активных граждан давно освоила Москву как место тусовки, деловых мероприятий или просто перспективного места жительства. Метро — по-прежнему самый комфортный, хотя и дорогой вид общественного транспорта, но в час пик, когда люди едут с работы и на работу, туда лучше не соваться. Автобусы, несмотря на выделенные для них полосы, не гарантируют свободного и быстрого проезда, а троллейбусы ушли в прошлое, их заменили электробусы, поэтому москвичам остаётся только трамвай. Когда московские власти начали было закатывать рельсы в асфальт, москвичи в разных уголках столицы так дружно и согласованно выступили против, что трамвай был сохранён, и власти даже стали менять трамвайный парк. Новые трамваи похожи на серебристые инопланетные поезда, они красивы, бесшумны и комфортны. Тогда почему я так радуюсь, когда к остановке приближается старый, слегка дребезжащий вагон?

Однажды меня спросила воронежская подруга Галина, которая часто ездит в Москву в командировки, что является символом Москвы, без чего Москва — не Москва. Пришлось задуматься. Я перебрала все московские достопримечательности, известные во всём мире, а уж каждому россиянину и подавно, и вдруг поняла, что всё это принадлежит всем, а у меня есть свои символы, без которых Москва — не Москва. Это Третьяковская галерея и московский трамвай.

Как эти два московских символа оказались в одной сцепке? Всё идёт из детства и юности: все наши страхи и надежды, вечная любовь и настоящая дружба, памятные и любимые места, люди, с которыми сводила и разводила жизнь, убеждения и вкусы, принципы и традиции. Трамвай был в моём детстве космическим кораблём, выводящим на орбиту большой жизни. А большая жизнь была — Третьяковская галерея. И от моего дома на окраине Москвы в Зюзино, это было ещё в далёком 1962 году, в большую Москву можно было доехать только на трамвае. «Тройка» от самого своего конечного круга шла через весь го-

род до Чистых прудов, до Кировской улицы, делая остановки и у развилки Каширского и Варшавского шоссе, и у Павелецкого вокзала, и у станции метро «Новокузнецкая», от которой рукой подать до Лаврушинского переулка, где в уютном тупике стоял терем Третьяковской галереи. 50 минут. Какая разная Москва открывалась в трамвайных окнах! Сначала это были частные дома с садиками перед ними на Котловской улице и Волхонке-ЗИЛ перед Москворецким рынком. Потом — загадочные здания за заборами «от честных людей» с табличкой «ЦНИИЛВ» и ещё каким-то таким же загадочным названием. Потом узнала, что это были научно-исследовательские институты лубяных волокон и драгоценных минералов. Потом развилка двух шоссе, где были два очень интересных магазина: в одном были товары для женщин, в другом — для детей. Потом ещё одна развилка, где другие трамваи сворачивали в сторону Нагатино, к Москве-реке. Далее трамвай проходил вдоль бесконечных заводов и фабрик, вдоль железной дороги с платформами для электричек. Потом он выныривал на Серпуховку около завода Владимира Ильича, того самого, где в 1918 году вождь мирового пролетариата был ранен террористкой Фанни Каплан. Окраина Замоскворечья, рабочая Москва, много плакатов и стальных лозунгов, прославляющих человека труда, коммунизм, советскую Родину. Серпуховка — место баррикадных боёв 1905 года. Павлик Андреев, московский Гаврош, студентка

Люсик Люсинова, командир пролетарской дружины, молодой рабочий Пётр Добрынин — они погибли в декабре 1905 года на баррикадах, и их имена остались в названиях московских улиц Серпуховки. И вот уже Павелецкий вокзал, которым заканчивается промышленная Серпуховка. Возле него всегда толпы людей с чемоданами, мешками и узлами. Это вокзал центральной России, здесь не встретить дам и господ в изысканных одеждах с лёгкими саквояжами. Здесь крестьяне, приехавшие в город продать что-то на колхозных рынках и купить на обратную дорогу городских товаров. Дальше шло Замоскворечье купеческое. Особняки, уютные и по-московски неброские. От Павелецкой станции метро до Новокузнецкой идёт узкая улица с церквями и большими многоквартирными доходными домами, чередующимися с купеческими особняками побольше и побогаче. Здесь то самое Замоскворечье, которое населил своими героями драматург А. Н. Островский. Он и сам жил здесь, вот в этом особняке. Рядом с многоквартирными доходными домами он смотрится не очень авантажно, но добротное и не бедно. Купеческие дома всегда имели участок земли, на котором удобно располагались подсобные службы, гостевые флигели, дровяные сараи, маленькие садики, а за домом, бывало, и огородики. Практичные люди, это понятно. И вот, наконец, «Новокузнецкая». Круглый павильон станции располагается как раз посередине между Пятницкой и трамвайной линией, уводящей даль-

ше к Обводному каналу, Москве-реке, через мост к Яузским воротам, далее через Покровку к Чистым прудам. Нам туда не надо, поэтому мы выходим и идём через Пятницкую в Климентовский переулочек, названный так по наименованию церкви папы римского Климента, красивого, величественного, красного с белым собора. Здесь расположился филиал государственной библиотеки имени В. И. Ленина, научный отдел, который занимался рукописями и старыми книгами, никому не выдававшимися. Из Климентовского переулка переходим в Лаврушинский, с его писательским домом (точечная застройка!), главной педагогической библиотекой имени К.Д. Ушинского с красивейшими чугунными воротами, и вот направо от неё стоит красный теремок Третьяковской галереи. Маршрут выучен наизусть, потому что три года подряд — в седьмом, восьмом и девятом классах — каждую неделю езжу сюда, чтобы побродить по залам любимой Третьяковки. Билет стоит три копейки в один конец, и денег, сэкономленных на школьных обедах, хватает не только на дорогу и билет, но и на кофе с пирожным в бедном, похожем на школьную столовую, только маленькую, музейном буфете. В залах прохладно, на улице зима, осень или весна, и горячий кофе, а иногда чай — бывают очень кстати. В Третьяковской галерее очень мало народу. Днём в будни — практически никого, пустые залы и дремлющие старушки-смотрительницы. Все картины выучены наизусть, осмотрены

по сантиметрам своей живописной поверхности, и поэтому в каждом зале идёшь или к любимым картинам, или к тем, которые таят в себе неразгаданную загадку. И загадок становится тем больше, чем больше проходит времени.

В первых залах — портреты. Парадные портреты царей и цариц, вельмож и чиновников, купцов и аристократов, богачей и известных людей своего времени. Их давно нет в живых, а здесь они смотрят на тебя так, будто хотят что-то сказать или рассказать. Что-то важное. Иногда я придумываю диалоги с ними и ловлю себя на том, что в своих ответах стараюсь вести себя соответствующим образом. Вот «разговор» с государыней императрицей Екатериной Второй Великой. Приветливый взор величественной дамы в немислимо богатом платье и с орденской лентой не может обмануть: чуть что не так — в Сибирь и драть кнутом. Поэтому я мысленно приседаю в глубоком реверансе и почтительно замираю, поскольку мне можно только отвечать, но не проявлять инициативу в разговоре.

— Как звать тебя, милая девица, какого звания, кто папенька с маменькой? — вопрошает, милостиво улыбаясь, государыня.

— Любовь, статского советника Смирнова, служащего Вашего императорского величества Министерства внешней торговли дочь.

— Что же папенька, усерден?

— Да, Ваше величество, награждён благодарственной грамотой и повышен в должности.

— Это хорошо. А маменька из какой фамилии?

— Она... её отец рязанский помещик. Корнеевы их фамилия.

(На самом деле маменька из крепстьян, и фамилия её — Корнюшкина, но это знать императрице незачем, крепостного права ещё никто не отменял, а жениться на крепостной означало перевести себя в то же состояние. Лгать императрице! Ай-ай-ай! Точно высекут, если узнают).

— Что же, учишься или уже присматривают тебе жениха?

— Учусь, матушка-царица. Папенька ещё мне жениха не сыскал.

— Ну, с этим затягивать не след. Тебе годков-то сколь?

— Четырнадцать, Ваше величество.

— Немало уже. Да. Скажи батюшке, что пора присматривать жениха.

— Скажу, матушка-царица. Только приданого за мной дать не могут. У батюшки нас семеро, все девки, а состояние недостаточное, деревенька маленькая, доходы падают, который год недород.

— Да, знаю, — вздохнула императрица. — Надо бы подумать о приданом за казённый счёт. Помнится из истории, кто-то из благочестивых европейских государей то ли шестьсот девиц, то ли тысячу за свой счёт замуж выдал, с приданным. Вспомнила — французский король, после Людовика Четырнадцатого. Ну, неважно. Поди, казна-то не разорится, а державе — прибыль. Сразу населения прибавится. У нас ведь, в России-то, просторы огромные, заселять надо. Уж и немцев позвала, и другие нации — не больно едут, у нас тут не

разлюли-малина, полгода холода. Что носом шморгаешь, простыла, что ль?

— Немного, Ваше величество.

— Ну, тогда поди от меня, а то начихаешь тут.

— Прощайте, Ваше величество.

(Реверанс и, пятясь задом, отход от картины. На мои манипуляции подозрительно посматривает старушка-смотрительница. Мышь белая, как Райкин говорил. Ладно-ладно, ушла).

В соседнем зале девушка над пальцами. Голову подняла от работы, затаённая улыбка говорит:

— А я про тебя та-а-а-кое знаю...

Показываю девушке язык и шёпотом:

— Ничего ты не знаешь. Вот я про тебя знаю.

— Что, что ты знаешь? — беспокоится девушка и хмурится.

— А то. Как ты вчера с молодым барином в сенях целовалась. Вот расскажу барыне, враз тебя из дворовых девок попрут в поле.

— Чего ты видала! Ничего ты не видала. И ничего не попрут. Я золотшвейка-мастерица. Лучше меня никто золотом не шьёт!

— Ладно, не бойся, не скажу. Но и ты не задавайся. А с молодым барином лучше не путайся, у него и невеста есть.

— Что ж, что невеста! А только я не хуже её. И собой хороша, и мастерица...

— Ой, плохо тебе будет. Выбери себе кого попроще.

— Да кого попроще-то? Мужика сиволапого? И жить с ним в чёрной избе с земляным полом? Ну, нет.

— Ну, смотри сама. Может, тебе больше повезёт, чем бедной Лизе? Вот она влюбилась в барина, да потом он её бросил, а она и утопилась от сраму и горя.

— Какой Лизе? Кузнецовой дочке, что ль? Так её вроде замуж выдали?

— Ладно, ты её не знаешь. Пойду.

— Да и мне работать надо. Прощевай пока. А то — заходи иной раз, поговорим душевно.

— Ладно, зайду...

Вот так поговоришь с картиной-другой, помотришь на часы, два часа прошло, как из дома вышла. Ещё 10 минут на буфет — и пулей на трамвай, в обратный путь. Как раз к пяти часам, а то и к полшестого. Только-только успеть прибраться в квартире, помыть посуду и сесть за уроки, чтобы к приходу родителей с работы была сделана хотя бы половина домашнего задания.

В следующее посещение минуя зал парадных портретов, делая мысленный придворный реверанс императрице, она милостиво кивает. Девушке с пяльцами приветливо машу рукой, она улыбается. Мне сюда — в зал, где висят портреты Рокотова и Боровиковского. Невероятной красоты и прелести барышни и молодые женщины. Таких лиц сейчас нет. Другая порода, напрочь исчезнувшая. Неужели всех повымел из родного Отечества ветер пролетарской революции? Наверное, так. Но и весь XX век, унёсший до 100 миллионов человеческих жизней только убитыми, поставлял на тот свет, если он есть, конечно, всех подряд, не делая разницы между русским аристокра-

том и французским угольщиком. Здесь я не разговариваю — я им не ровня, я только почтительно приближаюсь и внимательно рассматриваю черты лица, ткани, фасоны платьев. Что-то общее есть во всех этих юных леди, я пытаюсь понять — что. Беззаботность? Здоровье физическое и душевное? Безмятежность? Осознание своей женской сущности и красоты? Всё это есть, но это не главное. Достоинство — вот подходящее слово. Эти юные женщины уверены в том, что никто и никогда не покусится на их право жить в согласии с собственными устремлениями и совестью, привычками и желаниями. Их не выдадут насильно замуж, не отдадут в монастырь как лишние рты в семье, не оскорбят насилием и грубым словом. А ведь это ещё только начало XIX века, и ста лет не прошло, как Пётр Первый отворил душные темницы семейных теремов и вывел женщин на свет — в прямом и переносном смысле. Это такой уровень, который достигается поколениями социального отбора. Мне такой не быть, и мы друг друга не поймём никогда. Я вздыхаю и иду в залы пейзажной живописи — отдохнуть от людей.

Сколько потом ни видела в разных музеях мира пейзажей, нигде не нашла такой неизъяснимой прелести в передаче картин природы, как у русских художников. Ах, какие прекрасные виды открывались передо мной в горах Испании и Норвегии, на итальянской и французской Ривьере, на Амальфитанском побережье и в Тоскане, в чешских Судетах

и на каталонских террасах, на финских озёрах и в казахских степях! А смотришь на европейские пейзажи — и видишь мастерство художников и только. В европейских пейзажах нет души. Душа — у людей. Зато у русских — не пейзажная живопись по сути, а философская. Всегда больше, чем просто пейзаж. Здесь тоже никуда не спешу. Не бегаю из зала в зал. Сегодня у меня Левитан. Никак не решу, какая картина — самая-самая. Каждый раз это другая. Сегодня — «Над вечным покоем». Я уже знаю, что церквушка — из Плёса, куда несколько лет подряд ездил художник на этюды со своей возлюбленной, замужней дамой Софьей Кувшинниковой и другими компаньонами. Замужняя дама старше, и намного, талантливого живописца, опекает его, создаёт условия, беспокоится о здоровье. Годы лишений сказались — здоровье у художника, начавшего входить в моду, неважное. Над ними посмеиваются, сплетничают, качают головой... Ей плевать. И муж терпит. А тут Чехов со своей «Попрыгуньей». Естественно, скандал. Чехов делает невинное лицо и везде оправдывается — это не про них. Всем пишет и объясняет, что если кто-то пожелал себя узнать, то он-то при чём? Героиня — молодая 20-летняя женщина, а Софье — за 40. На этом аргументы заканчиваются, потому что это единственное отличие героини от прототипа. Всё-таки писатели — большие свиньи. Близкие друзья, всё друг о друге знают, вместе отдыхают, делятся сокровенным, и на голубом глазу оскорблённому другу — это

не про тебя и не про Софью. Наверное, Чехов принимал Левитана за умственно отсталого гимназиста. Много позже именно эта загадка, дававшая мне покоя — как мог так Чехов, икона русской интеллигенции, поступить со своим другом — заставила меня том за томом перечитать все его произведения, записные книжки, письма, а также книги и сборники писем и воспоминаний о Чехове тех, кто его знал. Понятнее он не стал. Человек, который искренне и даже истово заботился только о матери и сестре, несмотря на его постоянную, огромную в целом помощь разным людям. И не говорите мне о его любви к Книппер. Да, любил, писал каждый день, тосковал. Но когда она тяжело заболела и едва не умерла (выкидыш с перитонитом), уехал к себе в Ялту сразу же, как только опасность миновала, оставив Ольгу Леонардовну на коллегу по театру, а супруга лечилась ещё несколько месяцев. А чего сидеть у постели, раз уже ясно — не умрёт. Странно как-то. Но логично после истории с Левитаном. Два года не общались, потом Левитан помягчел, остыл. Помнил ли он? Такое не забудешь. И вот — «Над вечным покоем». Плёс, да, но сотворённый фантазией художника. Страшный, пустынный, заглядывающий человека. И искорка в этой сумрачной недоброй стихии — маленькая рубленая старая церквушка. Как этот еврей из-за черты осёдлости смог так понять русского человека, русскую землю? Он более русский, чем Чехов с его интеллигентской безжалостностью, и это не

вызывает никаких сомнений. Смотрю на часы — пора домой. Быстрая пробежка по остальным картинам Левитана. Вроде как приветствую. Все яркие, весёлые: весенние, летние, осенние. Надо бы сверить годы написания его «Вечного покоя» и истории с Чеховым. А ведь Левитан ещё и к Марии Павловне сватался. И пошла Мария Павловна, девушка уже не первой молодости, советовать к брату. И брат ничего ей не посоветовал. Промолчал. И Мария Павловна, чуткая к любому движению бровей любимого Антоши, отказала художнику. А вот интересно было бы получить Левитана в зятя Чехову. Так, ехидничать нехорошо. Сегодня я так люблю Левитана, что переступаю границы личной жизни и строю предположения, ни на чём не основанные. Смотрю на часы — пора выдвигаться к дому. Вздыхаю, но воспитанное с младенчества у советских детей чувство долга нависает над остальными чувствами и желаниями, и переступить через него не могу. Вот интересно, будет в моей жизни период, когда буду делать не то, что надо, а только то, что хочу?

Крамской. Сегодня только этот зал. Талантливый очень. Непростой. Загадочный. Сегодня две картины — «Незнакомка» и «Христос в пустыне». Круто вошедшая в моду в наши дни и размещённая на брошках и кулонах, открытках и постерах. С чего бы? Что увидели мои современники в этой даме, жившей 100 лет назад? Даже современники пытались отгадать загадку прекрасного лица молодой женщины, сидящей в карете

с открытым верхом и высокомерно смотрящую на зрителей. Кто такая? Так и не узнали современники. Эта загадка подогревала интерес публики. Грамотный пиарщик был Крамской. Нас, во второй половине XX века, волнует другое: что скрывает этот высокомерный взгляд? Одея по последней моде, очень дорого, во всё новое, с иголочки. Богата. Дама, не девушка — видно сразу. Тогда почему столько высокомерия, а на глазах — слёзы? «Богатые тоже плачут»? Не стал бы художник изображать богатую даму в таком плохо скрываемом душевном дезабилье. Ну, поплакала жена богатого мужа — дома, в спальне. А на портрете была бы весела и покойна, как на всех заказных портретах в предыдущих залах. Портретная живопись элитарна. Модные мастеровитые художники до 10000 рублей за полноценный портрет берут. По карману немногим даже богатым людям. Здесь не портрет, здесь образ. Трагедия красоты в мире чистогана и цинизма. Такой могла бы быть Лариса Огудалова, бесприданница Островского, если бы осталась жива и приняла бы предложение Кнурова. Острое переживание своего падения, унижения, предательства любимого мужчины, осознание потерянного уважения общества, отсутствие перспектив на семью, законных детей, дружбы с подругами из детства, которым не позволят поддерживать с падшей женщиной близкие отношения. Вокруг враждебная пустота, и не с кем словом перемолвиться на полном доверии. Но юная храбрая женщина

не сдаётся. Она говорит всем своим облик: вы меня презираете — и прекрасно. Я отлично обхожусь без вас. У меня всё в лучшем виде. Я еду на прогулку: в собственном экипаже, роскошно одетая, и вы мне завидуете. Только бы не заплакать. Держаться. А сама знает — бой проигран. Так почему она всем так нравится, что у каждой девицы моего времени — эта картина, этот образ в той или иной форме? Другие времена, другие нравы. Смешные переживания для нашего времени. Нет падших женщин. Есть продажные женщины и честные семейные рабочие лошадки. Есть карьеристки и старые девы. И никто не может себе позволить так одеваться. Очень дорого. Даже дамы из высшего круга одеты небогато, только обилие золота служит индикатором благосостояния. Наверное, это тоска по высоким моральным стандартам. Незнакомка на портрете страдает от их нарушения своим выбором, мы же, современные девушки и женщины — от их отсутствия в нашей жизни. Мне жалко незнакомую красавицу, но её взгляд отталкивает, не позволяет набиваться в друзья. Она не нуждается в утешении, в своей раненой гордости она оттолкнёт любого, кто сунется к ней с задушевными словами. Наверное, обжигалась. Что ж, отойдём, сочувственно кивнув на прощание.

Оттягиваю свой подход к Иисусу в пустыне. Очень страшно. Помню сюжет о том, как ушёл Иисус в пустыню размышлять о своём пути, и приступил к нему дьявол, и стал соблазнять и искушать. И устоял Иисус. И вот мне интересно. Иисус

знал, что он сын Божий. А выбор должен сделать как человек. Как все мы — слабые и не способные увидеть не только дальнюю, но ближайшую перспективу своей судьбы. Если не знаешь, что тебя ждёт, какие не зависящие от твоей воли и желания обстоятельства и вызовы преподнесёт тебе судьба, как ты можешь сделать правильный выбор? Это невозможно, потому что тебе не дано знать о последствиях своего выбора на стадии принятия решения. Слишком велика вероятность ошибки, притом — судьбоносной ошибки. Как выбирать в этих потёмках? Я смотрю на склонённое, трагичное лицо человека, сидящего на камне в безотрадной пустыне, и его усталая безнадёжность и покорность, страх и сомнение, понимание неотвратимости своей судьбы и горечь одиночества близки и понятны. Крамского не ругал в прессе только ленивый. Почему? Потому что каждый увидел слабого и трагичного себя. И надеяться не на кого. Как писал один рецензент: «Люди, как вы можете надеяться на меня, когда мне самому не на кого надеяться?» Тогда что? Тогда только одно: делай что должно и будь что будет. Опора на моральные принципы и убеждения. На те, какие есть. Если их нет — нет и осознанного выбора. И всё. Кстати, если ты не делаешь выбора, это тоже выбор. Наихудший из всех. Иисус в пустыне свой выбор сделал и ответил за него. Человек наделён свободой воли, единственный из всего сущего. Подарок и проклятие. Сдаётся мне, что именно это качество позволяет

человеку стремиться к Богу, сверяя свой жизненный путь с жизнью Иисуса. Нет, не богопротивная картина у Крамского получилась, зря его ругали поверхностные рецензенты и травила церковь. Он показал ту точку, в которой человек и Сын Божий уравниваются в своём праве на выбор, каким бы трагичным этот выбор ни был, и к каким бы последствиям не привёл. Именно эта картина заставила меня искать Евангелие, что было совсем не просто в те времена, и потом внимательно читать, продираясь через архаический текст, не впитанный с раннего детства.

Не удерживаюсь и в нарушение плана иду в зал Брюллова. Парадные портреты-картины в сюжетной обвязке. Красавицы, лакеи, юнкера... Ну, пусть без юнкеров. Всё шикарно. Очень красиво. И не трогает. Не волнует. Мы уже не настолько голодны, чтобы завидовать хрусту французской булки. И не настолько завидуем красоте и богатству, потому что это — приметы далёкой эпохи, в которой за красивым фасадом жизни для многих — свинство и горе горькое для подавляющего большинства. Я думаю о том, какими трудами и беспросветной нищетой тысяч людей оплачен этот шик-блеск-красота. Думаю о том, что этим дамам в шикарном антураже здорово повезло родиться, жить и состариться в золотом веке русской истории. А вот их детки уже получили неприютную, холодную, тоскливую старость на чужбине. Что ж, за всё надо платить. Не трогает моей души мастер-лакировщик Брюллов. Даже «Последний

день Помпеи», изображение огромной трагедии, не пугает. Почему? Давно было? Не с нами? Сами виноваты, в своём легкомыслии и праздности не видели предвестников? Написано холодно-профессионально? Немец писал? Чего-то важного, самого главного нет в картине. Души, может быть. На сегодня всё, пора домой.

Трамвай заполнен, свободных мест нет. Припозднилась, уже около шести вечера. Народ из центра разъезжается по домам. Мне не впервой, могу и постоять. В вагоне вспыхивают короткие скандалы, как всегда бывает при большой скученности людей. Только в переполненном трамвае возникают мысли о перенаселённости Москвы и планеты. Отвратительное ощущение своей безличности. Ты просто тело, зажатое между другими телами. Народ — грубый, усталый, замороженный бытовыми трудностями и проблемами. Бытовые условия у трамвайных пассажиров примерно одинаковые: теснота и скученность, нехватка денег и очереди в магазинах. Прийти с работы и посидеть одному на кухне или в своей комнате — нереально. Нет у москвичей своей личной комнаты. И у меня нет. Нас — две сестры на 12 квадратных метрах. В выгородке вместо кладовки поставлена большая кровать для деда, самое уютное место в доме, потому что есть полочка в виде пристенного столика, проведён свет, есть большой чемодан типа сундука с личными вещами под кроватью. А в смежной комнате, через которую надо идти в санузел

(совмещённый) и в кухню (она же столовая), спят родители на разбигающейся тахте. Посмотреть телевизор, когда родители решают ложиться спать — невозможно, а другого нет. И я в который раз думаю, что в своей взрослой жизни — хочу жить одна. И понимаю, что это невозможно — квартиру мне одной никто не даст. Советская система распределения жилья не учитывала такие тонкости, как личное пространство. Не до жиру. Отдельная квартира на семью — вот всё, что предлагало государство. Даже за свои деньги вступление в кооператив требовало основание в виде количества людей на заявленную желаемую площадь согласно бытовым социальным нормам. При этом сколько угодно людей из высших сфер живут совсем в других условиях. Это несправедливо, думаю я, стараясь не обращать внимания на тычки и сопение стоящих рядом пассажиров. Но всё-таки моя семья такая же, как подавляющее большинство советских семей. И жильё нам выдали бесплатно. А если ты хочешь жить лучше других, так и стать надо лучше других. Знаменитый артист, космонавт, да и просто рабочий, который тяжёлым, можно сказать, героическим трудом заслужил лучшие условия жизни — все они заслужили. Надо постараться, стать лучшей в своей профессии. Постепенно люди выходят на остановки, и к концу поездки я могу стоять свободно, не касаясь окружающих. В трамвае тесно, а в Третьяковке просторно. Лучше бы наоборот, думаю я.

Теперь, когда наступили 20-е годы нового тысячелетия, именно так и получилось: в трамвае свободно, в Третьяковке тесно. И это радует. Просторно в квартире. Их много построили, и все, кто хотел, пусть и ценой невероятных усилий, решили проклятый квартирный вопрос. В метро, если не соваться туда в час пик, тоже приемлемо. И у всех, кто захотел научиться водить машину, она есть. Москва облеплена машинами, как днище корабля ракушками. Треть страны влезла в Москву и в Петербург, создавая невероятную нагрузку на инфраструктуру. Эти огромные массы народа требуют хлеба и зрелищ, и в праздничные дни толпы людей заполняют всё свободное пространство рекреационных площадей и учреждений. И ты снова чувствуешь себя как в том далёком трамвае 60-х. Вся Москва — один большой трамвай, в котором все мы, касаясь телами, куда-то плывём в туманных сумерках. Все тебе чужие, и ты всем чужая. Как получилось, что третьяковская золотошвейка и девочка с персиками тебе ближе соседа по трамваю? Может быть, потому что их локти отведены от тебя в сторону? Выйти из трамвая и пойти пешком? Там холодно, одиноко и бесприютно. Трамвай — это иллюзия тепла и единения. Закрыв глаза и пригревшись на мягком трамвайном сиденье, ты мечтаешь о жизни на природе в тесной хибарке с печным отоплением. Только рядом должен проходить твой любимый трамвай № 3, который отвезёт тебя в Третьяковку, чтоб было с кем поговорить.